

DOI: 10.22455/978-5-9208-0623-9-160-169

Н.В. Михаленко

**Образ усадьбы в литературно-художественных журналах
русской эмиграции первой волны
(«Жар-Птица» и «Перезвоны») ¹**

Сведения об авторе: Михаленко Наталья Владимировна (Москва, Россия), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН. ORCID ID: 0000-0001-6200-6211. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Аннотация: Образ дореволюционной усадьбы в журналах русского зарубежья «Жар-Птица» (1921–1926) и «Перезвоны» (1925–1929) полифоничен и интермедиален: он создается с помощью репродукций художественных картин на усадебную тему (С.Ю. Судейкина, К.А. Сомова — в «Жар-Птице», С.Ю. Жуковского и С.А. Виноградова — в «Перезвонах»), статей об особенностях усадебного быта и об уникальных поместьях прошлого (Н.И. Мишеева «Старинные усадьбы» в «Перезвонах»), в рассказах и стихах, связанных с «усадебным топосом» (Саши Черного «Весна на Крестовском», И.А. Бунина «Молодость», К.Д. Бальмонта «На волчьей шубе» и др. в журнале «Жар-Птица»). «Энциклопедия усадебной жизни» создана в поэме Саши Чёрного «Дом над Великой (Картины из русской жизни)» в журнале «Перезвоны». Образ усадьбы в эмигрантских журналах овеян мифами, питается идиллическими воспоминаниями об утраченной родине. Жизнь в гармонии с природой, организация быта и повседневного времяпрепровождения как произведения искусства, культурное и духовное развитие человека — это, с одной стороны, недостижимый ностальгический идеал для эмигрантов, с другой — животворящая память, объединяющая русских за рубежом.

Ключевые слова: помещичья усадьба, «усадебный текст», журналы русского зарубежья, журнал «Жар-Птица», журнал «Перезвоны», Саша Чёрный, И.А. Бунин, Н.И. Мишеев, К.Д. Бальмонт, С.Ю. Жуковский, С.А. Виноградов, С.Ю. Судейкин.

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

Natalia V. Mikhalenko

*The image of the country estate in the literary and art
magazines of the Russian Emigration of the First Wave
("The Firebird" and "Chimes")*

Information about the author: Mikhalenko Natalia Vladimirovna (Moscow, Russia) PhD in Philology, Senior Research Fellow, Department of Modern Russian Literature and Russian Literature Abroad, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0001-6200-6211. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Abstract: The image of the pre-revolutionary country estate in the Russian émigré magazines "Firebird" (1921–1926) and "Chimes" (1925–1929) is polyphonic and intermedial, being created with copies of artistic paintings related to the estate theme (by Sergei Sudeikin and Konstantin Somov in "The Firebird", and by Sergei Zhukovsky and Sergei Vinogradov in "Chimes"), articles on characteristic features of the estate way of life, and on unique estates of the past ("Old Estates" by Nikolai Misheev in the "Chimes"), stories and poems related to the "estate topos" ("Spring on Krestovsky" by Sasha Chorny, "Youth" by Ivan Bunin, "On a Wolf Fur Coat" by Konstantin Balmont, etc., in "Firebird"). One can call the Sasha Chorny's poem "The House over the Velicaia River" ("Pictures from Russian Life") published in "Chimes" the real encyclopedia of the Russian estate life. The image of the estate in the émigré magazines is enshrined in myths of an idyllic image of the lost homeland, and is rooted in the idyllic reminiscences of the lost homeland. Life in harmony with nature, life and everyday activities arranged as works of art, one's cultural and spiritual development, on one hand, becomes an unattainable nostalgic ideal for emigrants, and, on the other, it is a life-giving memory uniting Russians abroad.

Key words: the country estate, "estate text", magazines of the Russian emigration, the magazine "Firebird", the magazine "Chimes", Sasha Chorny, Ivan Bunin, Nikolai Misheev, Konstantin Balmont, Sergei Zhukovsky, Sergei Vinogradov, Sergei Sudeikin.

Образ сельской помещицкой усадьбы на страницах журналов русского зарубежья «Жар-Птица» (Париж, Берлин) и «Перезвоны» (Рига) является важным элементом памяти об ушедшей жизни в России, своеобразным камертоном, во многом обращенным к детским годам эмигрантов. На страницах названных литературно-художественных изданий, близких по идейно-тематическому содержанию², усадьба предстает в стихах, рас-

² Подробнее см.: *Сомова С.В.* «Жар-птица» как образец русского модернистского журнала в Берлине 20-х гг. XX века // Вестник СамГУ. 2010. № 75. С. 169–178. Исследовательница усматривает сходство этого издания с журналом «Перезвоны», сопоставляя особенности подбора литературного материала и репродукций

сказах, на репродукциях картин. Создается целостный образ усадебной жизни, возвращающий читателя в минувшие годы.

Журнал «Жар-Птица», знаковый в литературном процессе русского зарубежья, выходил в течение пяти лет (с 1921 по 1926 г.) в Берлине. В числе его авторов были К.Д. Бальмонт, Л.Н. Андреев (посмертные публикации), Тэффи (Н.А. Лохвицкая), Б.А. Пильняк, А.М. Ремизов, В.В. Набоков (под псевдонимом В. Сирин), В.Ф. Ходасевич, И.С. Соколов-Микитов и др. Обложки оформляли И.Я. Билибин, Б.М. Кустодиев, Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, Б.Д. Григорьев и другие известные художники. Редактором художественного отдела «Жар-Птицы» стал Г.К. Лукомский. Литературным отделом заведовал поэт Саша Чёрный (А.М. Гликберг). «[Х]отя журнал не стремился акцентировать свое политическое кредо, на эмоциональном уровне не скрыть было ностальгической тоски по оставленной родине. Она пронизывала материалы разных жанров, отголоски ее можно было найти даже в статьях на внешне, казалось бы, нейтральные темы. <...> Художники и поэты, прозаики и критики “унесли Россию с собой”, о чем не раз говорят страницы журнала»³.

Ностальгический тон журнала более всего чувствуется в рассказе Б.К. Зайцева «Душа», который проникнут тоской по утраченному благообразному прошлому: «Дом поповский, жизнь поповская, сам поп <...>. Мы за столом запиваем чай со сливками лепешками. Кот приходит. Дети за перегородкой. Образа слабо золотят в уголке. Так тихо, так все благозвучно, светло, мирно. Точно озеро безмолвия и чистоты. <...> Много сожжено, попалено; как в видимости, так и в душе. Но мы живем. И мы за что-то заплатили: за свои неправды, за прошедшее. Меч Немезиды многое сразил. Но все-таки живем. И даже чай пьем на террасе маленького дома и обедаем в дни теплые»⁴.

Рижский журнал «Перезвоны» (1925–1929), представлявший собой семейный еженедельник для коллективного чтения, был выдержан в лучших традициях памятного многим дореволюционного уклада, предполагавшего совместное семейное времяпрепровождение, сопряженное с интеллектуальными и литературными беседами. Практически в каждом номере печатались увлекательные статьи, связанные с искусством и стариной, эту рубрику вел профессор Н.И. Мишеев. Литературным отделом до февраля 1927 г. заведовал Зайцев.

Особое внимание редакция «Перезвонов» уделяла художественно-

картин (С. 172).

³ Трубилова Е.М. Жар-Птица // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 135–136.

⁴ Зайцев Б.К. Душа // Жар-Птица. 1922. № 7. С. 5–6.

му облику журнала. Над ним работали С.А. Виноградов, Н.П. Богданов-Бельский, М.В. Добужинский. В каждом номере публиковались в качестве вклеек цветные репродукции картин русских и латвийских художников. Автором цветной стилизованной обложки «Перезвонов» был Добужинский. «По существу, она представляла собой символическое отображение ушедшего образа жизни, своего рода мотив “перезвонов” дореволюционной классической русской культуры, вынужденной пребывать в изгнании, но не утрачивать, а наоборот, приумножать свой духовный потенциал: на обложке журнала было изображено дерево с колоколами на ветвях, которое произрастает из чужой почвы. На ближнем фоне перед читателем представало панорамическое изображение “сорока сороков”, также являвшееся одним из символов непреходящей ценности русского культурного наследия»⁵.

Основной задачей, которую ставила перед собой редакция журнала, было достижение уровня национальной культурной и художественной трибуны русского народа в эмиграции. Идейно-эстетическая установка журнала заключалась в том, чтобы поддерживать в оторванных от родины русских обращенность к ее прошлому, к истории, искусству, а также знакомить их с новейшими литературными произведениями. Стихотворение О.З. Далматовой как бы выражало основной лейтмотив журнала: «На чужбине растет деревцо... / Не молчит, говорит, / И поет, и звенит перезвонами... / Как послушаешь, — чуду верится; / Где-то светит, горит / Восковая свеча пред амфонами... / Колокольни, что стражи вечные... / Все глядит в небеса, / То в туманы, то в синь искрометную... / Через дали земли бесконечные, / Медным звоном поют / И плывут голоса... / Через горы, долины, леса, / Перезвоны летят перелетные»⁶.

Для участия в «Перезвонах» усилиями Зайцева были привлечены М.А. Алданов, И.А. Бунин, Тэффи, М.И. Цветаева, Саша Чёрный, Е.Н. Чириков, И.С. Шмелев.

Образ усадьбы в журналах «Жар-Птица» и «Перезвоны» полифоничен и интермедиален, он создается с помощью репродукций картин художников, изображающих усадьбы, статей об особенностях усадебного быта и уникальных поместьях прошлого, а также в рассказах и стихах, связанных с «усадебным топосом».

Так, на страницах «Жар-Птицы» одновременно представлен визуальный и вербальный образ усадьбы. Благодаря предваряющей статье А.Н. Толстого и репродукциям картин С.Ю. Судейкина «Усадьба»,

⁵ *Абызов Ю.И.* 20 лет русской печати в независимой Латвии. Русские в Латвии. История и современность. Вып. 2. Рига, 1997. С. 17.

⁶ *Далматова О.* На чужбине растет деревцо... // Перезвоны. 1925. № 1. С. 1.

«Чаепитие под машину» (1921, № 1) читатель может погрузиться в мир дворянских усадеб и народных балаганов, проникнуться национальным колоритом, стихией лубка: «Передо мной картины Судейкина: вот — чудесный полный поэзии, радости и юмора мир старинных пейзажей, дворянских усадеб, хороводов под зеленой сенью рощи, жеманных молодых людей, влюбленных в сельских красавиц: оживили мир беспечной прелести и любви, над которым купидон, выхолненный в бабушкиных перинах, натягивает свой лук»⁷. Резюмируя, Толстой говорит о новом качестве искусства русских художников в рассеянии, о новом витке развития русской живописи: «Об русском современном искусстве, во всем его объеме, говорить сейчас трудно: оно раскидано по свету и только теперь начинает собираться в ячейки. Но по отдельным частям его, преимущественно живописи и музыке, уже можно провидеть в нем новую кровь, свежую силу: преобразование. Не осталось и следа разочарования и упадка»⁸. Подтверждением высказанной мысли служит репродукция с картины К.А. Сомова «Дама в голубом» в № 3 «Жар-Птицы» за 1921 г.

В стихотворении Саши Чёрного «Весна на Крестовском», опубликованном в № 2 журнала «Жар-птица» за 1921 г., пейзажи родной земли становятся духовным камертоном для русских эмигрантов: «О родине каждый из нас вспоминая, / В тоскующем сердце унес / Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая, / Кто заросли ялтинских роз... / Под пеплом печали храню я ревниво / Последний счастливый мой день: Крестовку, широкое лоно разлива / И Стрелки зеленую сень»⁹. Детали дачного быта необыкновенно значимы и дороги, поэт старается воссоздать картину прошлого во всей полноте звуков, запахов, ощущений: «Сеть лиственниц выгнала алые точки. / Белеет в саду флигелек. / Кот томно обходит дорожки и кочки / И нюхает каждый цветок. / Так радостно бросить бумагу и книжки, / Взять весла и хлеба в кульке, / Коснуться холодной и ржавой задвижки / И плавно спуститься к реке...»¹⁰.

В стихотворном цикле Бунина «Молодость» образ цветущих ландышей, затерянных в роще, выступает символом хрупкости ушедшего быта, мимолетности его красоты, ставшей истоком счастья: «В голых рощах веял холод... / Ты светился меж сухих, / Мертвых листьев... Я был молод, / Я слогал свой первый стих»¹¹.

В № 4–5 за 1921 г. «Жар-Птицы», посвященном теме Рождества, опубли-

⁷ Толстой А.Н. Перед картинами Судейкина // Жар-Птица. 1921. № 1. С. 23.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Чёрный А. Весна на Крестовском // Жар-Птица. 1921. № 2. С. 20.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бунин И.А. Ландыш (из цикла «Молодость») // Жар-Птица. 1921. № 3. С. 5.

ликован рассказ Бальмонта «На волчьей шубе», где в чертах усадебной жизни рубежа XIX–XX вв. просматриваются мотивы, характерные для Древней Руси. Маленький мальчик, оставшийся один в усадьбе, рассматривает лубки на библейские темы: «На стенах были наивные картинки, снимки со старинных расписных ковров. Картина мироздания, первые дни в раю, Ева, глядящая на спящего Адама, ликующий Адам, перед которым в менюэте проходят, парами, все звери мира, в то время как он каждому дает своим вскриком имя, и поэма укушенного и съеденного яблока»¹². Здесь представлен мотив возвращения к истокам — обретение утраченного рая.

Усадебная жизнь связана с трепетным сохранением памяти о прошлом, бережном обращении с вещами, вызывающими воспоминания о былом. Так, в стихотворении И.А. Воинова все детали интерьера как будто воссоздают ушедшую эпоху: «В старинной мебели — старинные рассказы, / И Казановы тень на шелковых драпри... <...> Часы стоят... остановились годы... / И выцвели цветы узорного ковра... / Но вечен аромат в капризах старой моды, / И так естественна жеманная игра»¹³.

В рижском журнале «Перезвоны» образ усадьбы в первую очередь восходит к теме утраченной родины, разоренных родовых гнезд («редакция стремилась представить журнал как орган русского художественного слова, искусства и старины»¹⁴). Воспоминания о былом окрашены теплой грустью, овеяны памятью о доме, истории семьи, связаны с представлениями о благообразном быте, жизни, протекавшей на лоне природы. На страницах номеров часто встречаются репродукции картин, рассказы, стихи, очерки об усадьбе. Один из них (№ 15 за 1926 г.) целиком посвящен усадьбе. Там представлен очерк Мишеева «Старинные усадьбы (Подмосковные: “Коломенское”, “Измайлово”, “Кусково”, “Останкино”, “Архангельское”, “Царицыно”)), стихи Бальмонта «Бубенцы», поэма Саша Чёрного «Дом над Великой (Картины из русской жизни)», рассказ В.Н. Ладыженского «Потерянный сюжет». Помещены цветные репродукции картин, рассказывающих об усадебном быте: «За столом» С.Ю. Жуковского, «Бабушкин сад» В.Д. Поленова, «Эскиз декорации к опере “Евгений Онегин”» М.В. Добужинского, «Свадьба в Малороссии» Н.К. Бодаревского¹⁵.

По мнению историка и искусствоведа Мишеева, сельская помещицья

¹² Бальмонт К.Д. На волчьей шубе // Жар-Птица. 1921. № 4–5. С. 9.

¹³ Воинов И. Interieur // Жар-Птица. 1922. № 9. С. 26.

¹⁴ Крейд В. Перезвоны // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 311.

¹⁵ См.: Приложение к журналу «Перезвоны» № 15 (цветные вклейки с репродукциями картин).

усадьба является для эмигрантов квинтэссенцией образа России. Усадьба тесно связана с русской литературой, особенностями национального характера: «Трудно отделаться от элегического настроения, когда думаешь об усадьбе русского помещика. Всплывают “видения”, созданные гением Пушкина, Тургенева и других русских писателей. Проходят картины быта, любовно нарисованные ими. Слышатся ланнеровские вальсы и тихие голоса тех женщин, присутствие которых освещало темные стороны усадебной жизни: Татьяна, Лиза, Наташа, Марфинька, Вера... Знаменитая няня, Арина Родионовна... Образы верных слуг и исполненных сознания своего достоинства, чести, порядочности господ в “Детстве” и “Отрочестве” <...>. И кругом широкая, милая сердцу природа, неотделимая от всех их...»¹⁶.

После революции и бегства из России в сердцах эмигрантов, по мысли Мишеева, память о жизни в усадьбе становится камертоном, помогающим сохранить представление о должном благообразии жизни, культуре быта: «Как все это близко и в то же время бесконечно далеко! Ушло... Навсегда?... <...>. О, теперь мы полны этими “гнездами”! Теперь мы вызываем в себе к жизни все традиции. В этом благое влияние революции. Она научила нас любви к быту, где много так красок, тепла, крепости, почвы под ногами, сочности и яркости»¹⁷.

Рассказывая об истории подмосковных дворцово-парковых ансамблей царей и вельмож (Коломенском, Останкине, Архангельском, Кускове), Мишеев называет их «интересными иллюстрациями жизни нашего прошлого, свидетельствующими о больших достижениях в области русской культуры»¹⁸. Он поясняет: «Здесь обитали богачи, сановники, гордые, сильные, просвещеннейшие для своего времени люди, то радушные хозяева, то замкнутые в себе “философы”. Они устраивались только на свой вкус, для себя, но оставили чрезвычайно много для истории, для нас. Если они далеки нам, то дорого и близко оставленное ими искусство в виде тех “музеев русской жизни”, которые представляют их дворцы и поместья»¹⁹.

Сказочный дворец в Коломенском, разобранный еще в XVIII в., нес в себе лубочные черты воображаемого дворца из легендарного Китеж-града и был вершиной древнерусского зодчества: «Он состоял из целого

¹⁶ *Мишеев Н.И.* Старинные усадьбы (Подмосковные: «Коломенское», «Измайлово», «Кусково», «Останкино», «Архангельское», «Царицыно») // *Перезвоны*. 1926. № 15. С. 422.

¹⁷ Там же. С. 422–423.

¹⁸ Там же. С. 423.

¹⁹ Там же. С. 426.

ряда типичных древнерусских “срубов”, которые соединялись сенями. Над последними были терема, увенчанные “бочками”, “шатрами” <...>. Окна, как и весь дворец, отличались богатейшей орнаментировкой красками и резьбой. Лазурь покрывала чешую бочек. Золотились “гребни”. Яркими красками играл со вне (с внешней стороны. — *Н. М.*) дворец <...>. Иконы — образа Спаса, Пречистой, святых и картины, где выступали Давид, Соломон, “Пор Индейский”, Дарий Персидский, смотрели со стен “государевых хором”, теремов царицы и покоев царевича. У входа, “сочиненные хитрой механикой” заморского мастера, стояли “рыкающие львы”»²⁰. Останкинский дворец стал иллюстрацией быта, доведенного до степени искусства: «Во дворце мы находим чудесный концертный зал, картинную галерею, театр и везде изумляемся богатству и художественности отделки. Ничего здесь не отдано в жертву чему-либо практическому. Искусство служит только самому себе»²¹.

Статья Мишеева сопровождается фотографиями подмосковных усадеб Останкино, Измайлово, Царицыно, Архангельское, Кусково. Дана репродукция гравюры Дж. Кваренги «Панорама Коломенского в конце XVIII века», находящейся в Эрмитаже (Санкт-Петербург).

В № 22 «Перезвонов» за 1926 г. была опубликована вторая статья Мишеева «Старинные усадьбы (Подмосковные: “Кузьминки”, “Черемушки”, “Нескучное”, “Марфино”, “Ярополец”»». Рассказывая об этих поместьях, автор особенно отмечал, что они несли на себе отпечатки разных стилей, являя синтез разных культур. Мишеев подчеркивал вписанность их архитектуры в природный ландшафт. К примеру, такая организация усадьбы «Черемушки» способствовала созданию образа идиллической жизни: «Жили здесь богатые люди с высоко развитым чувством красоты, любви к покою, гармонии, чуждые мирской суетности, не думающие о завтрашнем дне»²².

Настоящая энциклопедия усадебной жизни создана на страницах «Перезвонов» в поэме Саши Чёрного «Дом над Великой (Картины из русской жизни)», опубликованной в № 14–15 за 1926 г.²³ Красота, благообразие усадебного быта, гармоничная жизнь на лоне природы вызывают у автора восхищение: «С балкона даль — отрада взорам: / Синее вольный бег реки, / Нагорный берег сизым бором / Сбегает в дальние пески, / И грузный мост навис змеею, / И купола цветут в садах, /

²⁰ Там же. С. 423.

²¹ Там же. С. 425.

²² *Мишеев Н.И.* Старинные усадьбы (Подмосковные: «Кузьминки», «Черемушки», «Нескучное», «Марфино», «Ярополец») // *Перезвоны*. 1926. № 22. С. 694.

²³ См.: *Перезвоны*. 1926. № 14. С. 397–400 (гл. 1–12); № 15. С. 427–430 (гл. 13–24).

И стены древней чешуею / Зигзагом вьются в слободах... / Смолой прогретой пахнут густо / Резные столбики перил»²⁴. Здесь и описание неспешного времяпрепровождения — работы в саду и огороде, приготовление еды, празднование дня рождения дочери, вечера в семейном кругу у камина: «Раскрыты настезь дверцы печки, / Треща березовой корой, / Клубятся желтые колечки, / Шипит и каплет сок сырой. / Людмила, руки сжав в колени, / На рысьей шкуре на полу, / Сидит, полна дремотной лени, / И смотрит в огненную мглу. / В ногах раскрытый том Лескова: / Легенды византийских дней / Цветной парчой родного слова / Слили с цветением огней... / Отец качается в качалке / <...> Дом полон мирной тишиною, / В глубоком кресле у портьер, / За жардиньеркой вырезною, / Мать разбирает несессер»²⁵. Все былое выглядит необыкновенной ценностью, вызывает щемящее чувство потери: «Любой пустяк из прежних дней / Так ненасытно мил и чуден <...>»²⁶. Стихи воссоздают атмосферу теплого, но утраченного дома. Революционное переустройство жизни разрушило этот быт и осквернило усадьбу: «Погибло все в шальном разгроме / Под наглым красным каблуком... / Кто там сегодня в белом доме? / Какой звериный “Исполком”? / Трещат машинки возле шкапа. / Сереют грязные полы. / Два-три сознательных сатрапа / Обходят рваные столы. / На стенах знаком каннибальства / Рычат плакаты: “Бей! Убей!” / <...>. В той спальне, где ютились сестры, / Свистит раскормленный матрос, — / На туалете сеткой пестрой / Плевки и пятна папирос»²⁷. Как видим, поэма Саши Чёрного построена на контрасте: уют усадебного уклада, расцвет культуры домашней жизни противопоставлены вандализму, грязи и безобразию быта новых хозяев.

Образ усадьбы стал одним из значимых лейтмотивов в журналах «Жар-Птица» и «Перезвоны». Он обращал читателей к прошлому, создавая идеализированное представление о жизни в дореволюционной России, был связан с хронотопом утраченного ими усадебного поместного рая, который тем не менее продолжал служить для них источником света и внутренней силы в испытаниях и лишениях эмигрантской жизни.

²⁴ Чёрный А. Дом над Великой (Картины из русской жизни) // Перезвоны. 1926. № 14. С. 398.

²⁵ Чёрный А. Дом над Великой (Картины из русской жизни) // Перезвоны. 1926. № 15. С. 428.

²⁶ Чёрный А. Дом над Великой (Картины из русской жизни) // Перезвоны. 1926. № 14. С. 400.

²⁷ Чёрный А. Дом над Великой (Картины из русской жизни) // Перезвоны. 1926. № 15. С. 430.

Список литературы

1. *Абызов Ю.И.* 20 лет русской печати в независимой Латвии // Русские в Латвии. История и современность. Вып. 2 / Сост. И.И. Иванов; науч. ред. Б.Ф. Инфантьев; ред. З.А. Осипова. Рига: Лад, 1997. С. 3–33.
2. *Бальмонт К.Д.* На волчьей шубе // *Жар-Птица*. 1921. № 4–5. С. 6–10
3. *Бунин И.А.* Молодость // *Жар-Птица*. 1921. № 3. С. 5.
4. *Воинов И.* *Inte'rieur* // *Жар-Птица*. 1922, № 9. С. 26.
5. *Далматова О.* На чужбине растёт деревцо... // *Перезвоны*. 1925. № 1. С. 1.
6. *Зайцев Б.К.* Душа // *Жар-Птица*. 1922. № 7. С. 4–8.
7. *Крейд В.* *Перезвоны* // *Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2000. С. 311–313.*
8. *Мишеев Н.И.* Старинные усадьбы (Подмосковные: «Коломенское», «Измайлово», «Кусково», «Останкино», «Архангельское», «Царицыно») // *Перезвоны*, 1926. № 15. С. 422–426.
9. *Мишеев Н.И.* Старинные усадьбы (Подмосковные: «Кузьминки», «Черемушки», «Нескучное», «Марфино», «Ярополец») // *Перезвоны*. 1926. № 22. С. 694–697.
10. *Сомова С.В.* «Жар-птица» как образец русского модернистского журнала в Берлине 20-х гг. XX века // *Вестник СамГУ*. 2010. № 75. С. 169–178.
11. *Толстой А.Н.* Перед картинами Судейкина // *Жар-Птица*. 1921. № 1. С. 23–28.
12. *Трубилова Е.М.* *Жар-Птица* // *Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2000. С. 134–139.*
13. *Чёрный А.* Весна на Крестовском // *Жар-Птица*. 1921. № 2. С. 20.
14. *Чёрный А.* Дом над Великой (Картины из русской жизни) // *Перезвоны*, 1926, № 14. С. 397–400 (гл. 1–12); № 15. С. 427–430 (гл. 13–24).